

Среди великого множества книг, посвященных анализу повседневности, эта работа не затеряется. Ибо в ней воплощен опыт междисциплинарного синтеза многомерного и неисчерпаемого пласта нашей жизни - как в культурном сообществе, так и наедине с собой. "Именно синкретизм повседневности, - убеждены авторы, - и образует ее специфику" (с. 80).

Повседневность является в различных ипостасях. Как предмет эмпирической социологии она выступает в качестве усредненного общественного мнения, выявляемого с помощью репрезентативных опросов. Так, расхожее представление о бизнесменах, замечает И.Т. Касавин, состоит в том, что они в основном жулики; народ в массе своей живет плохо, а политики не торопятся выполнять предвыборных обещаний. Но повседневность многолика, вездесуща и необъятна. Она - незамечаемое *taken for granted*, "само собой разумеющееся", но вместе с тем - понятие-проблема. И приступая к разбору авторской концепции, хочу отметить, что понятие повседневности вводит нас в круг идей и образов, непривычных для европейской философской и культурной традиции. Основоположник феноменологии Э. Гуссерль имел все основания определять специфику европейской культуры как "верховенство идеи над жизнью", а современный социолог З. Бауман - как "мышление в категориях континентов и чувствование в веках, страстную приверженность к общим понятиям как универсальным путеводителям по жизни".

Процесс "тематизации повседневности" в европейской культуре идет на протяжении всего XX в., вплоть до образования специализированных областей в науке и художественной культуре. Используя язык социологии повседневности, можно было бы сказать, что *повседневность становится "тематически релевантной"* (А. Шюц).

Значительная роль в художественной тематизации повседневности принадлежит фотографии и кинофильмам. Уже первые из них, внося динамическое начало в художественное отображение повседневности, делают ее еще более "понятной" и узнаваемой. "Прибытие поезда" братьев Люмьер, просмотр которого приводил зрителей в состояние панического ужаса, все же притягивал взор, символизируя железную поступь технического прогресса в привычных и понятных образах. Авторы не обходят вниманием средства сообщения как элементы нашей повседневности. И.Т. Касавин замечает, что автомобиль - не только "средство передвижения", но и "роскошь". Он маркирует принадлежность к элитарной группе потребителей со всеми вытекающими социальными последствиями: работник ГИБДД предусмотрительно "не замечает" мелких нарушений водителей шикарных иномарок, а приятно позвякивающий в кармане ключ от машины придает уверенность в повседневном общении.

Процессы эстетизации повседневности происходят и в музыке. Но ближе всего к осмыслению истоков подобных перемен в самосознании европейской культуры подошла художественная литература. Однако высшей формой культурной тематизации повседневности является феноменологическая философия и социология. Но если в трудах Э. Гуссерля "жизненный мир" предстает как набор дорефлексивных очевидностей, культурных априори, то в работах его ученика, социолога А. Шюца фокусом исследовательского внимания оказывается именно "естественная установка сознания". Для него понятие "дом человека" эмоционально окрашено, отражает многообразие человеческого переживаний жизни (любимый пейзаж, песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленная пища, фольклор и личные привычки, томатный сэндвич с ледяным молоком, утренняя газета у двери, трамвайные и автомобильные гудки и т.д.).

Социология повседневности и есть онтология жизненного мира. Это учение о структурных характеристиках и "формах" человеческого бытия, априорное условие всякой "эмпирической" повседневности. Рецензируемая книга существенно обогащает социально-онтологический аспект анализа повседневности, выделяя в нем деятельность-событийный, предметно-вещный и телесно-поведенческий (с. 15). Наиболее разработанным из трех, на мой взгляд, представляется первый, в отдельных характеристиках смыкающийся с последним. Детализация аспектов онтологического подхода к анализу повседневности не только расширяет и организует пространство социологического анализа, но и имманентно содержит неявное методологическое предостережение против неправомерного сужения этого понятия, ведущего к недооценке социологии повседневности в целом. Значимость комплексного подхода, взятого на вооружение ав-

торами, состоит в том, что он взывает к объединению позиций в синтетической, многомерной концепции повседневности. Думаю, не случайно социолог И.Т. Касавин пригласил в соавторы историка по образованию С.П. Щавелева, известного своими исследованиями в области археологии. Горизонт "нормальности" человеческого существования удаётся "схватить" лишь междисциплинарными усилиями различных гуманитарных дисциплин, среди которых социологии повседневности принадлежит ключевая, методологическая роль.

Другая область междисциплинарного взаимодействия социологии повседневности - психология. Авторы вносят свой вклад в изучение ее психологических аспектов. Даже экстремальные для человеческой психики ситуации (смерть близких, кризисные ситуации в бизнесе и т.д.) вполне тематизируемы повседневностью. Экзистенциальное измерение ее, подчеркивают авторы, состоит в ее способности "переваривать" пограничные ситуации, превращать их из источника страха и отчаяния в основу мужества и терпения (с. 14). Ее социально-антропологический ракурс представлен в книге как кумулятивный опыт группы, обретенный в процессе проживания повторяющихся ситуаций, социальное использование результатов научного и культурного творчества.

Социологически интересно подана шторами неожиданная интерпретация повседневности как "синхронного среза культурной миграции". В таком понимании она предстает как статический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативные, инновационные процессы и выделяются исключительно стабильные, не подверженные сомнению основания жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные схемы). На страницах книги она интерпретируется и как результат "оповседневнивания", секуляризации архетипа или исторического априори. Но, наследуя подобную традицию М. Вебера, И.Т. Касавин наполняет ее материалом, почерпнутым из своих ранних исследований вненаучных форм познания. Герои и боги древних мифов не только являлись в человеческом облике, но и выступали регулятивными центрами праздничных церемоний и жертвенных ритуалов. Но не только в древности - в современном высокотехнологичном обществе, подчеркивается в книге, "повседневность умирает в безумии, если не черпает силы из мифа" (с. 86). Однако наряду с "оповседневниванием" архетипа в культуре идет параллельный процесс "расповседневнивания", порыва к возвышенному, прорыва к трансцендентному. Это отмечают и авторы, фиксируя парадокс: "Стоит только отказать повседневности в этих качествах (сакральности, экстраординарности. - Н.С.), как она тут же оказывается богаче самой себя, (с. 81). В самом деле, считают они, у каждого есть возможность связать свою повседневную деятельность с высокой идеей, а то и идеалом. Однако эвристически интересный тезис Б. Вальденфельдса¹ о "расповседневнивания" как "оборотной стороне" пребывания в повседневности в рецензируемой работе не получил дальнейшего развития.

Солидаризируясь с позицией Р. Леффлера, авторы полагают, что субстанциалистская интерпретация повседневности "как преднаходимой человеком объективной структуры, как интерсубъективно данной основы человеческого бытия и сознания" ... приводит к смешению объекта и средств исследования в социологическом анализе (с. 89). Полагаю, что такой упрек в адрес А. Шюца можно принять лишь отчасти. А вот со свойственным Р. Леффлеру представлением о том, что "в целом А. Шюц сохраняет предпосылки классической социологии, в частности, позитивистское понятие научности", и вовсе трудно согласиться. Ибо пафос критики А. Шюцем позитивистской социологии как раз и состоит в демонстрации того, что последняя рассматривает социальный мир как "внеположенную" объективную (в дофеноменологическом смысле) данность, независимую от инструментальных характеристик социологического метода. Но именно они, настаивает А. Шюц (и с ним следует согласиться), являются теоретическим основанием отбора и интерпретации якобы полностью не зависящих от теоретических представлений "данных". Позитивистская социология действительно не в состоянии подняться до понимания "социально сконструированного" характера социальной реальности, смыслового строения социального мира и не отдает себе отчета в том, что мир, который она изучает, не внеположен ей, но "социально сконструирован, не только обыденным мышлением, но и вторичными по отношению к нему процедурами социологической интерпретации. Но субстанциалистская интерпретация все же оправдана, и не только в качестве альтернативы функционалистской (см. раздел "Субстанция или функция"). Ибо она является по существу социологической интерпретацией разработанного Э. Гуссерлем принципа феноменологической дескрипции,

Вальденфельдс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. М., 1991.

т.е. стремления к беспредпосылочному созерцанию феномена как прививке от "неявной метафизики". Другой вопрос, насколько это достижимо практически, если принять во внимание, что феноменологическая социология не приемлет позиции "внезаходимости". Социолог сам погружен в структуры жизненного мира и не свободен от предпосылок, обусловленных его социально-групповым положением. Иными словами, он сам со своим инструментарием - часть "объекта". И авторы верно подмечают методологическую опасность смешения объекта и средств социологического анализа. Однако выход из нее следует искать не в позитивистски-абсолютном противопоставлении субъекта и объекта, но в напряженной рефлексии в отношении собственных предпосылок, дабы не привносить в исследуемую ситуацию собственных субъективных значений. Именно этого требует от социолога разработанный в феноменологической социологии "постулат чистоты метода". Однако это отнюдь не умаляет теоретической оправданности предложенной авторами функциональной интерпретации повседневности (с.с. 89-91) как дополнительной (комплементарной) по отношению к субстанциональной. Так или иначе, книгу И.Т. Касавина и С.П. Щавелева следует читать, и это чтение будет весьма полезным для социолога. Ибо заявленный в ней многоуровневый подход в исследовании повседневности, несомненно, инновационен.

Н.М. СМИРНОВА, доктор
философских наук